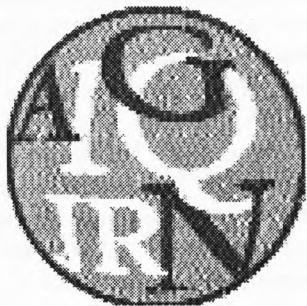

Переводы

От переводчика

Развитие личности, как известно, связано не только с тем, что происходит внутри человека, но и с тем, что происходит вне его, и с тем, как это связано с его социализацией и воспитанием. Внешняя среда, равно как и внутренний мир личности, — историчны. Они изменяются с ходом времени, с развитием культуры, с проживанием тем или иным поколением своего уникального опыта. Социальная история детства и психология развития личности теснейшим образом связаны.

Мы публикуем работу одного из крупнейших историков детства, давшего начало научному направлению, связанному с историческими исследованиями социализации и воспитания — Юргена Шлюмбома, доктора философских наук, профессора, научного сотрудника Института исторических исследований общества Макса Планка в г. Геттингене, Германия.

Виталий Безрогов

Юрген Шлюмбом

ДЕТСКАЯ КОМНАТА: СОЦИАЛИЗАЦИЯ И ВОСПИТАНИЕ В ГЕРМАНИИ В 1700—1850 гг.*

*(Перевод с немецкого Дмитрия Габриэляна и
Виталия Безрогова)*

Воспитание распорядком
семейной жизни

«О воспитании как особом искусстве у родителей не было никакого представления», отметил сын одного крестьянина из округа Ольденбург, рассматривая наметанным глазом опытного педагога свое детство, прошед-

* Schlumbohm J. Erziehung und Nicht-Erziehung in der Entstehungsperiode der bürgerlichen Gesellschaft // Idem. Kinderstuben. Wie Kinder zu Bauern, Burgern, Aristokraten wurden. München, 1983. S. 7—22.

шее в конце восемнадцатого века. На его нижненемецком диалекте не существовало даже соответствующего слова для этого, «потому что применяемое в этом случае слово «воспитывать, растить» относилось, собственно говоря, только к физическому уходу за маленькими детьми. Все воспитание заключалось в моральном и этическом распорядке семейной жизни» [1]. Мир детей в большинстве классов и слоев общества не был в те времена отделен от мира взрослых таким образом, чтобы рассматривать его как «педагогическую область», в которой родители, воспитатели, учителя подготавливали бы детей «к жизни» [2]. Не «комнатное воспитание» [3] и не особые образовательные заведения, а «школа жизни воспитала его», сказал о самом себе сын деревенского сапожника [4]; а один из прусских аристократов зарифмовал в стихах нечто похожее из своего собственного становления:

«Лишь жизнь — воспитание мужчины,

Слова же — те значат не много» [5].

Детство, неотделимое
от взрослой жизни

Уже маленькие дети были включены в работу и общение с окружающими их людьми. Очень рано детям «трудящихся классов» приходилось вносить свой вклад в пропитание семьи; они не были исключены и из общения, не отделяемого четко от работы. Так, в «прядильных комнатах» дети и взрослые пели одни и те же песни и слушали одни и те же истории. В достаточно раннем возрасте детей брали с собой в церковь, на крестный ход и в паломничество. Рождение и смерть не были для них чем-то чуждым. У детей было свое место при выполнении соответствующих ритуалов: они шли вместе со взрослыми, чтобы посмотреть на покойщегося в доме усопшего и помолиться за его; хор учеников был неотъемлемой составной частью похоронной процессии [6]. В тесных жилищах простых людей от детей не оставалась скрытой и сексуальная жизнь родителей [7], а в господских домах общение со слугами имело те же последствия — таково было, во всяком случае, мнение озабоченным необходимостью улучшением нравов педагогов, врачей и священников.

Дети в подчинении и
услужении родителям

Жизнь детей ни в коем случае не была идиллической, даже если так казалось некоторым авторам мемуаров в свете приобретенного ими к старости жизненного опыта. Большинство населения из года в год и изо дня в день было полностью занято тем, чтобы добыть пропитание; поэтому само собой разумеющейся необходимостью было то, что детям приходилось нести свою часть этой нагрузки [8]. Жестоким наказаниям подвергался тот, кто уклонялся от выполнения работы. «Там, где были... дети, там были и телесные наказания, и чаще всего просто варварские» — эта сторона детских будней осталась незабываемой многими людьми вплоть до старости [9]. Подчинение отцу и матери находит свое выражение и в

языке: дети обращались к своим родителям на «Вы» или применяли иные обороты, выражающие уважение; редкостью были случаи, когда дети и взрослые в словесном общении были бы приравнены друг к другу, употребляя с обеих сторон слово «ты» [10]. Дочь и сын были подчинены главе дома — отцу или матери, также как и служанка, и слуга [11]. Это является объяснением и того факта, что в списках переписи населения родные сыновья и дочери, начиная с возраста приблизительно 14 лет, нередко указывались как «батраки» или «служанки» и отличались от «неродной» челяди разве что по именам.

Разграничительная
линия между детством
и взрослостью

Несмотря на многообразную вовлеченность в мир жизни взрослых, статус детей в иерархии семьи и сословия все же отличался от статуса взрослых, хотя разделительная линия не была ни четкой, ни достаточно однозначной. Важным разграничительным порогом в областях с евангелическим населением была конфирмация [12]. Некоторые внешние приметы обозначали эту разграничительную линию. Курение имело для молодежи мужского пола особое значение. В устоявшейся буржуазной среде считалось за правило: «Если молодому человеку *предлагали* трубку, то это было равносильно торжественному заявлению, что его считали полноценным мужчиной» [13]. Среди ремесленников цеховые объединения и союзы подмастерьев через «суд порядочности и нравов» следили за тем, чтобы ни один ученик не смел посещать кабак или курить, на это имели право только мастера и подмастерья [14]. Правда, эта разграничительная линия не всегда была достаточно четко проведена; а там, где это имело место, для мальчишек было особенно привлекательным как раз то, чтобы ее тайно нарушать. Во всех прочих случаях полные права взрослого достигались только после женитьбы: холостые сыновья и незамужние дочери (а также батраки и служанки) оставались, даже будучи старше 30 лет, «детьми», подчиненными главе семьи в лице отца или матери [15].

Пространство
«уличной свободы»

Включение в господствующую домашнюю и семейную иерархию было, однако, для детей простых людей не окончательным. Они находили щели и ниши, не заполненные домашними требованиями. «Родители редко прикажут своим детям чего-нибудь иное, кроме старания в работе.... В остальном дети могут делать все, что они хотят, если они достаточно уверены, что им не достанутся колотушки и наказания, если отец или мать не в плохом настроении по какой-либо другой причине», — жаловался священник одного из церковных приходов, в который входили крестьяне, ткачи и прядельщики [16]. Если дети выполняли поставленные перед ними задачи, то большей частью были предоставлены самим себе. Это было то пространство и время, где они вместе с другими детьми

вели свою собственную жизнь, свободную от непосредственного надзора или педагогического руководства взрослых [17]. Да и при выполнении некоторых работ у детей была возможность образовывать группы, например, когда они пасли скотину в деревне или посылались за покупками в городе. В этих случаях дети играли друг с другом по принятым правилам, нередко подражая миру взрослых, но все-таки под свою собственную ответственность, обеспечивая выполнение «законов» без руководства со стороны воспитателя. В этом пространстве «уличной свободы», в котором они «были предоставлены... совершенно самим себе» [18], дети очень быстро (как только они начинали ходить) вживались в коллективную жизнь, которая тогда еще имела для крестьян и ремесленников основополагающее значение как в деревне, так и в городском профессиональном сообществе.

Значение такой жизни в относительно свободно или более четко организованной группе детей было тем больше, ее определяющая сила было тем существеннее, чем меньше семья выделялась из окружающего ее социального мира как островок интенсивных отношений, в первую очередь затрагивавших человеческие чувства. У дворян семья была в первую очередь объединением, в котором было необходимо обеспечить господствующую позицию сословия на протяжении многих поколений, а господский дом был местом управления и представительства этой позиции. У крестьян, простолюдинов и низших слоев населения задача семьи состояла в первую очередь в том, чтобы обеспечить с помощью труда выживание ее членов. Этот труд происходил не на каком-то пространственно удаленном «рабочем месте», а в самом жилище, во дворе дома, на территории самой семьи [19]. Труд заполнял большую часть семейного времени. При таких обстоятельствах не было никаких оснований для того, чтобы полагать, что семья первично является якобы тем свободным пространством, где могли бы раскрываться человеческие чувства, происходило бы моральное удовлетворение и физическая защита ее членов [20]. Несколько более в розовом свете предстало, вероятно, отношение к труду одному стареющему писателю, родившемуся в семье надомника; но он попал в точку своим замечанием, когда подчеркнул, что каждый член семьи был прежде всего частью трудового сообщества: «Те классы общества, которые живут стараниями собственных рук, смотрят совершенно по-иному на высокое предназначение труда в отличие от тех, которые покоятся на чужом труде. Он приносит им удовлетворение, возвышает их... А поэтому и мальчик самым живейшим образом проявлял себя — помогая и переживая — при выполнении поручений, которые хотя и были в общем-то мелкими, но способствовали процветанию семьи» [21].

Личные взаимоотношения и ведение хозяйства

При этом между социально-экономическими целями и эмоциональными потребностями не обязательно должно было существовать противоречие [22]. Наглядной иллюстрацией этого является история одного портного, который менее чем через год после смерти своей первой жены, которую он совсем не любил, пришел к выводу, что «без жены совершенно не может вести свое хозяйство»: он взывает к Богу, просит Бога «направить его сердце к какой-либо добродетельной личности», спрашивает родственников, «нет ли у них какой-либо девицы, желающей выйти замуж», а менее чем через месяц после получения положительного ответа идет к алтарю со своей избранной. И тем не менее этот «брак по расчету» был, по его мнению, «одним из самых благословенных»: «Мое супружество подсластило все пережитые мною прежде неприятности, и, по правде говоря, я должен сознаться, что, думая о моем прежнем положении и рассматривая свое нынешнее, я был вне себя от удовольствия... короче, мы оба жили душа в душу» [23]. Такая взаимосвязь между «материальными» целями и личными взаимоотношениями проявлялась, вероятно, и в практике кормления грудью. Один представитель медицины констатировал в 1780 году, направляя свой упрек женщинам высших слоев населения, что «первая обязанность матери, а именно кормление грудью своего ребенка, превратилась в занятие для очень немногих» [24]. А вот как раз у простых людей кормление грудью продолжалось весьма длительное время: годовой период кормления, кажется, считался почти что за правило, два года не были редким исключением. Важной причиной этого, без сомнения, являлся и тот факт, что кормление грудью было самым дешевым способом кормления ребенка, способом, который требовал наименьших затрат времени и наименьших расходов. Но одновременно это создавало, вероятно, длительную связь между матерью и младенцем — не в качестве поставленной цели, а в качестве фактического результата.

Семья в сословном обществе

Задачей семьи, таким образом, выступало не физическое удовлетворение ее членов и воспитывающее обслуживание подрастающего поколения, как это формулируют сегодня ведущие социологи в соответствии со своими преподавательскими установками [25] и как это отвечает повседневным ожиданиям многих людей. Насколько семья в большинстве классов и слоев тогдашнего общества не ориентировалась на такую возвышенную функцию, настолько же она была менее изолирована от своего окружения в переплетении социальных отношений.

Дворянский дом и жилище простого народа

Дворянский дом охватывал, кроме родителей и детей, целый ряд слуг, нередко также и кого-нибудь из родственников, такой дом был довольно часто местом представительного общения, открытым для знакомых из своего сословия [26]. У «простого народа»

включение в семью дедушек и бабушек, а также других родственников было реже, чем стараются внушить распространенные представления о «доиндустриальной большой семье»; однако в семьях зажиточных крестьян и ремесленников жили, как правило, служанки, батраки, подмастерья или ученики. Пространство, в котором существовала семья, не было отгорожено от знакомых из своего сословия, соседей и всей деревни [27]. «Жизнь в деревне — это расширенная семейная жизнь. Веселые и печальные события переживаются, обсуждаются, одобряются или осуждаются» [28] — эти слова сына одного крестьянина звучат менее идилично, если удалить сентиментальные ожидания, которые мы так охотно связываем с «семейной жизнью». Жилища бедняков были особенно тесными именно в городе; как только позволяла погода, дверь оставалась открытой или хотя бы полуоткрытой; работа и отдых в весьма значительной степени происходили на улице.

Социализация внутри сословия Дети дворян, крестьян и простолюдинов подготавливались к своей будущей жизни не столько однозначным включением в нее или с помощью сознательного воспитания; наоборот, они вращались в этот мир путем вовлечения в требования их общественного окружения и участия в приятных его аспектах. Их «школой» была не отгороженная «детская комната», а «сама жизнь». Такое отношение к детству не нужно было подвергать сомнению, пока имелось основание для предположения, что жизнь сыновей и дочерей будет идти своим сословным, предназначенным с рождения путем, так же как шла жизнь их отцов и матерей. Уже раннее вовлечение детей в коллективно поддерживаемые ценности и законы сословия и сообщества, привыкание детей на улице и в деревне к жизни, определяемой какой-либо группой, было подходящей формой социализации для тех людей, которые не должны были следовать внутренне усвоенным нормам, а, наоборот, ориентировались на правила своей сословной, деревенской или цеховой «касты».

Конфликты между сословиями и группировками Насколько не следует ностальгически идеализировать детскую жизнь, настолько не нужно гармонизировать и картину тогдашнего общества. Претензии и нормы различных сословий и корпораций ни в коем случае не составляют какого-то гармонически структурированного целого; наоборот, в обществе позднего феодализма проявляются фундаментальные конфликты. В частности, между крестьянами и феодалами — были ли они дворянами, церковными объединениями или суверенами — постоянно шла «малая война» из-за барщины, натуральных и денежных поборов, но также и из-за символических форм выражения господства, к которым относились, например, дворянские охотничьи привилегии. Нередко из-за противоречий между крестьянами и их госпо-

дами возникали беспорядки, подавление которых было возможным только с помощью силы. То же самое можно сказать об отношениях между цеховыми объединениями, в частности союзами подмастерьев, и — властями. К таким конфликтам подготавливались и дети, в особенности мальчики. Содержанием их уличной жизни была «мальчишечья война» между группами из различных кварталов города или из различных деревень. Не менее заманчиво было для них дразнить или провоцировать представителей властей, например, полицейских, которые следили за порядком и спокойствием в городе, или же полевых сторожей, охраняющих урожай.

Воспроизводства
«злости и упрямства»

Да и манера обращения родителей со своими детьми не способствовала, как во всяком случае полагали просвещенные современники, тому, чтобы воспитать разумное и стабильное послушание по отношению к господствующему порядку; наоборот, резкий контраст между чрезмерной жестокостью и равнодушным предоставлением самим себе вел к тому, что у молодого поколения воспроизводилась «злость и упрямство», отягчающие взаимоотношения между крестьянами и господами [29].

Для детей не оставались скрытыми конфликты взрослых. Так, например, один летописец из города Аахен связал уличные битвы ребятишек с беспорядками, вызванными борьбой цеховых ремесленников с купцами, а также с насилием, вызванным борьбой за власть между соперничающими группировками: «Не нужно удивляться сегодняшней молодежи, ее дикости и распушенности в наше время... Если дерево гнилое, незачем ожидать от него хороших плодов...» [30].

Становление воспитания как особого вида работы

Настоящая педагогическая кампания [31] велась в XVIII и XIX веках против устоявшейся рутины, против полного пренебрежения воспитанием и «бессердечной запущенности» детей [32]. В проповедях, журналах и указах священнослужители, врачи и чиновники призывали родителей заботиться о физическом и духовном развитии своих детей. Поучения и размышления о том, как это должно происходить в родительском доме и в школе, концентрировались в особую науку — педагогику. Воспитание становилось особым искусством, особым видом работы. Оно приобретало для будущего семьи и общества такое фундаментальное значение, что ему должны были посвящать себя и родители, и профессиональные педагоги-преподаватели; оно ни в коем случае не должно было быть предоставлено только кормилицам и служанкам. Из западной части Европы, прежде всего из Англии, а потом и из Франции, т. е. из тех стран, которые были тогда уже более развиты по сравнению с другими, в Германию приходили новые образцы сознательного воспитания детей и соответствующей семейной

Педагогическая
«дистанция»

жизни. Педагогическая кампания XVIII и XIX веков определяла во все большем числе семей образцовые представления о воспитании, об отношении к ребенку, влияла во все большей степени и на действительное поведение людей. Советы педагогов были восприняты вначале образованной и зажиточной буржуазией. Правда, и там реальность не была незамутненным отражением пропагандируемых образцов, а давала постоянно повод к предостережениям.

Воспитание предполагает дистанцию между воспитанником и воспитателем; лишь на основании этой дистанции происходит педагогическое обращение к ребенку. Оно должно быть отмечено последовательностью и внутренней гармонией. Никакой воспитательный процесс не может происходить в атмосфере резкой смены между жестокой твердостью, необдуманно предоставлением ребенка самому себе и заигрыванием с отсутствием всякой дистанции. Только четко изложенные нормы могут быть усвоены и самостоятельно применены ребенком. Для этого воспитатель должен быть и сам примером. Выступать перед ребенком в качестве воспитателя означает поэтому, что необходимо контролировать собственное поведение и дисциплинировать самого себя; превратить детство в отделенное от настоящей жизни пространство, в котором молодые люди подготавливаются к ней, означает одновременно создание специфического статуса взрослого человека с более высокими требованиями, предъявляемыми к его поведению. Все вместе это было частью большого процесса становления цивилизованных нравов [33].

Пространственно-телесное отстранение
детей от взрослых

Педагогическую «дистанцию» воспитующего взрослого от воспитуемого ребенка следует понимать также и в конкретном пространственно-телесном смысле. У трудящихся классов в связи с теснотой жилищных условий и малым количеством принадлежащей им мебели положение часто было таково, что дети спали с родителями не только в одной и той же комнате, но и в одной и той же постели. Просвещенные врачи, чиновники и педагоги самым энергичным образом боролись с этой привычкой. Одной из причин этого, которые они приводили, была опасность, что взрослые могут до смерти задавить ребенка в постели — случайно или намеренно; для грудных детей это представляло во всяком случае реальный риск. Не менее угрожающей представлялась этим просвещенным реформаторам опасность «пробуждения преждевременных влечений» [34]. Чтобы предотвратить это, детям и взрослым следовало спать отдельно, а если это возможно, то и в разных комнатах. У ребенка ночная изоляция, если он спал отдельно, могла вызвать сильный приступ страха [35], а это вызывает предположение, что обусловленный теснотой и бедностью телесный контакт имел для детей простых людей и положительное значение.

- «Устраненное отношение» к собственному телу Боязливое опасение относительно «пробуждения преждевременных влечений» выражается прежде всего в упорном стремлении врачей и педагогов приучить детей к «*устраненному отношению*» к своему собственному телу. В постели руки должны были находиться *над* одеялом; мальчикам не разрешалось держать руки в карманах штанов; девочки не должны были сидеть скрестив ноги; одежда должна была быть настолько свободной и просторной, чтобы исключить разогревающую стимуляцию половых органов [36]. По праву эту длительную кампанию называли «антимастурбационной» педагогикой [37]. Она показывает, что подавление инстинктов представляло собой существенную сторону умения сдерживать самого себя, которое прививалось людям при воспитании. Со времен Зигмунда Фрейда было доказано, насколько важным было такое подавление инстинктов для мотивации личности к культурным и цивилизаторским свершениям в рамках буржуазного общества; и бросив взгляд в далекое прошлое, можно предположить, что такая взаимосвязь имела место, когда тогдашние пропагандисты рисовали рядом с пугалом физического заболевания также и «пассивность, уныние, мрачное настроение, тупое дурачество» как следствие «распутства» и «самоослабления» [38].
- «Самодисциплинирование» воспитывающих взрослых Однако соответствующее «самодисциплинирование» требовалось также со стороны воспитывающих взрослых. Строгому контролю подлежали кормилицы и няни, которые «из похоти засовывали свои руки под одежду детей». Предупреждение «не целовать и не обнимать детей с похотливыми ощущениями» и тем самым не «возбуждать чувства, которые должны были бы еще долго дремать» [39], было направлено, хотя об этом и не говорилось прямо, также и в адрес родителей. Нежное телесное прикосновение к ребенку становилось проблематичным. Здесь между детьми и родителями или же воспитателями возникала зона определенного «табу», обходиться с которой было тем более трудно, что одновременно основным тоном отношения между теми и другими должна была стать интенсивная эмоциональная связь — «любовь». В качестве выхода из такой парадоксальной ситуации большинство родителей выбирало такой, что любовь к детям они не выказывали; это едва ли происходило словесно и уж, конечно, не посредством жестов нежности [40].
- Семья как убежище эмоциональной защищенности Семейно стилизовали под убежище эмоциональной защищенности. Жилище, дом с двором и садом, окруженным забором или каменной стеной, становился местом частной интимности, отгороженным от остального мира. Фильтрующий контроль со стороны родителей определял, что из природного и социального окружения, в какой момент и в какой мере следует считать полезным для про-

цесса воспитания и образования [41]. «Уличные мальчишки», «сорванцы» стали отрицательной иллюстрацией.

Без сомнения, в таком окруженном забором убежище семьи дети сталкивались также и со строгостью, серьезностью и телесными наказаниями. Нередко отец выступал в роли «неограниченного самодержца в своем доме» [42]. Но эта строгость не зависела от настроения, выступала не спорадически-непредсказуемо, а предполагала, что она последовательно направлена на достижение педагогических целей. И прежде всего она становилась частью всеохватывающего эмоционального обращения к ребенку, другой стороной выражения родительской любви. Вообще обоюдная любовь должна была быть определяющей во всех отношениях внутрисемейного пространства. В связи с этим различие между детьми и слугами становилось более четким. Основой такого понимания семьи была тенденция к переносу профессионального труда и производства из семейного жилища, пространственное разделение между жильем и местом работы, как это вырисовывалось в высших слоях буржуазии. Оно способствовало тому, чтобы обосновать как разумное представление, что отношения между супругами, а также между родителями и детьми должны регулироваться не материальными интересами, а на основе обоюдной любви; такое представление все больше и больше утверждалось в качестве намерения и в качестве ожиданий, обращенных ко всем членам семьи.

Семья как пространство для личного счастья

Одна из сторон буржуазной реальности действительно соответствовала этому нормативному представлению: внутрисемейное пространство выделялось здесь куда более четко из социального и экономического окружения, чем это имело место у дворян, крестьян, ремесленников и у низших слоев населения в то время. Внешний мир представителя буржуазии все больше определялся «холодными» законами конкуренции, обмена и прибыли; в связи с этим возникла потребность в компенсации посредством специализировавшегося на «чувствах» внутрисемейного пространства. По правилам возникающего рыночного общества в особой экономической сфере производились товары, ценности и прибавочная стоимость, а в отделенной от нее семейной сфере должно было производиться личное счастье.

Превосходство отца семейства над женой и детьми

У буржуазной реальности была, однако, еще и другая сторона, а это доказывает, что представление о семейной жизни, определяемой только чувствами, было частичной идеологической правдой [43]. Эта другая сторона становится понятной благодаря тому факту, что превосходящее положение отца семейства по отношению к жене и детям основывалась в конечном итоге на его экономическом превосходстве, точнее на том факте, что он был единственным активным членом рыночного общества за пределами семей-

ного пространства. Он зарабатывал наличные доходы, он монополизировал представительство семьи в обществе. Это проявляется также в «господствующем повсюду среди высших слоев буржуазии этикете»: для женщины было «неприлично появляться без мужского сопровождения в общественных местах, на прогулке или в театре» [44]. При отделении внутрисемейного пространства от экономического и социального внешнего мира женщина в основном ограничивалась домом, организацией повседневного потребления и воспитанием детей. В то время как «трудом» все более и более считается только зарабатывание наличного дохода, неоплачиваемая домашняя работа женщины принижается до уровня «теневого труда». Так как обмен и материальные интересы не имеют более места внутри семьи, женщина обязана выполнять эту работу «из любви» к мужу и детям [45].

Социально-экономические основы семьи

Если даже личные чувства и материальные интересы все более выступали в форме противоречий и семья при этом делалась местом, где проявлялись чувства, а экономика и общество становились местом калькуляции интересов, то тем не менее в известной степени на входе и на выходе семейной жизни однозначной оставалась связь с экономико-социальными интересами: при основании семьи посредством заключения брачного союза необходимым условием считалась — наряду с многосторонней обоюдной склонностью — согласованная материальная основа [46]. Заявленной целью было, кроме этого, — с учетом происшедшего позднее ухода детей из родительского дома — то, что семья должна была снабдить детей способностями и свойствами, необходимыми для экономико-общественного успеха. С целью такой подготовки детей изолировали от «действительной жизни»; для них возникала «педагогическая провинция», состоявшая первично из (приватизированной) семейной жизни, а вторично из преподавания и школьных учреждений.

Обучение в разных сословиях

Конечно, существовали школы и для детей крестьян и представителей низших классов, существовало преподавание и для молодых дворян. Однако в высших слоях буржуазии преподаванию придавалось куда большее значение. В то время как обычно далеко не все дети ходили в школу, а те, что ходили, делали это лишь непродолжительно, лишь несколько лет, в деревне к тому же часто только в течение зимнего полугодия, образованные и состоятельные представители буржуазии следили за тем, чтобы их дети учились регулярно и на протяжении многих лет: вначале в родительском доме их нередко учили сами родители или домашние учителя, в более позднем возрасте это происходило большей частью в школе. Но различными были и виды учебы. В те времена у «народа» школа ограничивалась большей частью внешней дрессиров-

кой: одной из центральных целей было научить «тихо сидеть», а заучивание наизусть было господствующей формой усвоения учебных материалов большей частью церковного характера. Конечно, и учебные материалы высших слоев буржуазии были куда более всеохватывающими, чем у простого народа, дети которого чаще всего приобретали свою квалификацию не через обучение в школе, а через практическое участие в труде. Педагогическая инициатива была направлена прежде всего против бездумного заучивания наизусть: объяснять должен учитель, а ученики должны понимать [47]. Лишь только в этом случае ученик — в своей позднейшей жизни предоставленный сам себе — будет в состоянии разумно применить выученное. Уже в школе все было направлено на развитие способности действовать самостоятельно. Порядок мест учеников в классе и иерархия классов дают возможность продвигнуться тем, кто к этому стремится. Правда, предстоящие свершения оставались абстрактными, так как в этой педагогической области речь шла не о решении определенных проблем, с которыми ученики сталкивались бы в определенной ситуации, а о задачах, поставленных учителем, исходя из его прозорливости. «Успех» в процессе выполнения задания учителя становился, таким образом, самоцелью.

Приучение к социальной иерархии

Тем самым этот вид школьного обучения приучал ориентироваться на индивидуальное продвижение вперед посредством выполнения задач, поставленных «сверху» и в процессе соревнования со своими ближними, выступающими как конкуренты. Такое поведение соответствовало характерному для высших слоев буржуазии стилю жизни и труда. Большая часть образованных людей становились чиновниками и занимали свое место в четко выраженном иерархическом порядке. Но и кроме всего этого такая ориентировка укладывалась в контуры возникающего буржуазного общества, в котором — в отличие от феодального порядка, определяемого привилегированными по праву рождения сословиями — «каждый член [сообщества]... [должен был] иметь право... подняться на любую ступеньку своего сословия, к которой его могут привести его талант, старания и счастье» [48].

Сыновья как продолжение карьеры отцов

Но еще более фундаментально, чем школьное обучение, настраивала своих детей на жизнь в развивающемся с такой направленностью буржуазно-капиталистическом обществе буржуазная семья. Если для матери дети становились все более важными в качестве главного предмета ее деятельности и возможного внутреннего удовлетворения, то отцу предоставлялась надежда на сына как на осуществление оставшихся неисполненными собственных устремлений к успеху и удачной карьере: в этой общественной взаимосвязи «благим пожеланием *всех* отцов становилось — увидеть реализо-

ванным в своих сыновьях то, что им самим не удалось» [49]. Проявляемый на основе такого рода любви авторитет пробуждал в сыне готовность идентифицировать себя с отцом и усвоить установленные авторитетом нормы. Такая социализация способствовала образованию индивидуализированного «Я», чье поведение было скорее «побуждаемым изнутри», а не ожиданиями и правилами своей общественной группы [50].

Стремление смягчить
отгораживание детства
от «реальной жизни»

В течение XIX и XX веков все больше распространялись адресуемые к обществу ожидания, что оно должно предоставить возможности для успешной карьеры в результате «профессиональных достижений» и требования к семье, чтобы она производила бы персональное счастье, которое в других случаях не представляется возможным найти в обществе. При этом все более отчетливо проявлялись проблемы, связанные с этим и заключавшиеся в том, что эти образцы общества и семьи только частично соответствовали реальности. Многим людям, успехи которых в экономико-социальной борьбе были куда более скромными, при объяснении такого результата указывалось на их личный неуспех, и такие люди склонялись во все большей степени к тому, чтобы искать утешения в частной сфере семьи. Но и семья не была в состоянии обеспечить выполнение таких повышенных ожиданий, так что в результате в качестве источника счастья нередко выступает не семья, а «пациент семьи» [50]. Похожее несоответствие между распространенными ожиданиями и реальными возможностями существует не только у специализированных учреждений воспитания, у семьи, но и у школы. Здесь зарождается стремление «обесшkolить» общество или, по крайней мере, произвести основательную перестройку школы, исходя из жизненных потребностей детей, а тем самым опять отменить или, по крайней мере, смягчить отгораживание детства от «реальной жизни» [52].

1. *Eilers G.* Meine Wanderung durchs Leben. Bd.1. Leipzig, 1856. S. 18, cf. 2, 29.
2. Классический пример: «Ребенок и семья при Старом Порядке» *Арбека Ф.* (1960; рус. пер. Екатеринбург, 1998); важным материалом является также: *Roessler W.* Die Entstehung des modernen Erziehungswesens in Deutschland. Stuttgart, 1961.
3. *Nolde A.F.* Medicinisch-anthropologische Bemerkungen über Rostock und seine Bewohner. Bd.1. Erfurt, 1807. S. 96.
4. *Justi K.W.* Grundlage zu einer hessischen Gelehrten-, Schriftsteller- und Künstgeschichte vom Jahre 1806 bis zum Jahre 1830. Bd. 19. Marburg, 1831. S. 290—298.
5. Friedrich August Ludwig von der Marwitz. Ein märkischer Edelmann

-
- im Zeitalter der Befreiungskriege. Hrsg. von Friedrich Meusel. Bd.1. B., 1908. S. 143.
6. *Zimmermann R.S.* Erinnerungen eines alten Malers. Мюнchen, 1922. S. 15f., 32f.; Paulsen F. Aus meinem Leben. Jena, 1909. S. 100f.
 7. *Schwager J.M.* Über den Ravensberger Bauer // Westphälisches Magazin zur Geographie, Historie und Statistik. Hrsg. von P.F. Weddigen. Bd.2, 1786. H.5. S. 55–58.
 8. *Kuczynski J.* Die Geschichte der Lage der Arbeiter unter dem Kapitalismus. Bd. 1–38. B., 1960–1972; по поводу детского труда см. в частности тома 8, 19, 20.
 9. *Schlumbohm J.* (Hrsg.) Kinderstuben: Wie Kinder zu Bauern, Bürgern, Aristokraten wurden 1700–1850. München, 1983. S. 279.
 10. *Bacherler M.* Deutsche Familienerziehung in der Zeit der Aufklärung und Romantik. Phil.Diss. Alerlangen, 1914. S.136f., cp. S. 210f., 216f.
 11. *Mitterauer M., Sieder R.* Vom Patriarchat zur Partnerschaft. 2.Aufl. Мюнchen, 1980. S.123ff.; Rosenbaum H. Formen der Familie. Frankfurt a.M., 1982. S. 89ff., 102ff.
 12. *Weber-Kellermann I.* Die Kindheit. Frankfurt a.M., 1979. S. 186ff.
 13. *Schlumbohm J.* (Hrsg.) Kinderstuben... S. 401.
 14. *Henss A.* Wanderungen und Lebensansichten. Jena, 1845. S. 141.
 15. *Sieder R.* Persönlichkeitsbildung in Haus und Familie. Studien zur Sozialisation in ländlich-bäuerlichen Hausgemeinschaften der vorindustriellen Zeit. An Beispielen aus dem Salzburger Raum. Phil. Diss. Wien, 1975. S. 185, 189, 192.
 16. *Simmler J.J.* Versuch einer Beschreibung der Grafschaft Toggenburg überhaupt und der Gemeinden Henau und Niederglatt insbesondere, 1785, sowie Kommentar eines Ungenannten dazu // Zentralbibliothek Zürich, Archiv der ascetischen Gesellschaft des Kantons Zürich, Archiv B 7. S. 279–366.
 17. *Schlumbohm J.* 'Traditionale' Kollektivität und 'moderne' Individualität: einige Fragen und Thesen für eine historische Sozialisationsforschung // Vierhaus R. (Hrsg.) Bürger und Bürgerlichkeit im Zeitalter der Aufklärung. Heidelberg, 1981. S. 273ff.; Hardach-Pinke I. Kinderalltag. Frankfurt a.M., 1981. S. 216ff.; Hauck K. Das Spiel in der Erziehung des 18.Jahrhunderts. Phil.Diss. Halle a.d.S., 1935.
 18. *Hansjakob H.* Aus meiner Jugendzeit // Idem. Ausgewählte Schriften. Bd.1. Stuttgart, 1910. S. 117.
 19. См., например: *Schlumbohm J.* (Hrsg.) Kinderstuben... S. 123ff.
 20. *Rosenbaum H.* Formen der Familie... S. 47ff., 121ff.; Mitterauer M., Sieder R. Patriarchat... S. 92ff.; Brunner O. Das 'ganze Haus' und die alteuropäische 'Ökonomik' // Idem. Neue Wege der Verfassungs- und Sozialgeschichte. 2.Aufl. Göttingen, 1968. S. 103–127.
 21. *Koenig H.* Auch eine Jugend. Leipzig, 1852. S. 60f.

22. См.: *Medick H., Sabeau D.* Neue Themen in der historisch-ethnologischen Familienforschung // Sozialwissenschaftliche Informationen für Unterricht und Studium, 11, 1982. S. 91–100.
23. *Paulsen F.* Aus meinem Leben. Jugenderinnerungen. Jena, 1909. S. 2–113.
24. *Frank J.P.* System einer vollständigen medicinischen Polizey. Bd. 2. Mannheim, 1780. S. 371.
25. По поводу критики: *Rosenbaum H.* Familie als Gegenstruktur zur Gesellschaft. Stuttgart, 1973.
26. *Garve C.* Versuche über verschiedene Gegenstände aus der Moral, der Litteratur und dem gesellschaftlichen Leben. Bd.1. Breslau, 1792. S. 335–400.
27. *Flandrin J.-L. Familien.* Frankfurt a.M., 1978. S. 48ff.; *Shorter E.* Die Geburt der modernen Familie. Reinbek, 1977. S. 61ff.
28. *Rank J.* Erinnerungen aus meinem Leben. Wien, 1896. S. 37f.
29. *Garve C.* Vermischte Aufsätze. Breslau, 1796.
30. *Ariovist v.Fürth H.* Beiträge und Material zur Geschichte der Aachener Ptrizier-Familien. Bd.3. Aachen, 1890. S. 224.
31. *Stephan G.* Die häusliche Erziehung in Deutschland während des 18.Jahrhunderts. Wiesbaden, 1891, особенно S.10ff.; *Gebauer C.* Studien zur Geschichte der bürgerlichen Sittenreform des 18.Jahrhunderts. Die Reform der häuslichen Erziehung // Archiv für Kulturgeschichte, 20, 1930. S. 36–51; *Roessler W.* Die Entstehung... S. 243ff.
32. *Moralische Wochenschrift* // Der Einsiedler, 1.Jg, 5.Stück. Königsberg, 3. Februar 1740. S. 33–40.
33. К этой теме см.: *Elias N.* Über den Prozess der Zivilisation. 2 Bde. Frankfurt a.M., 1977; *Elschenbroich D.* Kinder werden nicht geboren. Frankfurt a.M., 1977. S. 110ff., 121ff.
34. *Frank J.P.* System... Bd. 2. S. 205ff., 251ff., здесь S. 261.
35. *Goethe J.W.* Aus meinem Leben. Dichtung und Wahrheit. 1.Buch // Goethes Werke. Hamburger Ausgabe. Hrsg. v. E.Trunz. Bd.9. Hamburg, 1955. S. 13f.
36. *Faust B.C.* Gesundheits-Katechismus zum Gebrauche in den Schulen und beim häuslichen Unterrichte. Bückeburg, 1794. S. 17–28; *Schlumbohm J.* (Hrsg.) Kinderstuben... S. 235.
37. См. по этому поводу: *Elschenbroich D.* Kinder... S. 133ff.; *Rutschky K.* (Hrsg.) Schwarze Pädagogik. Frankfurt a.M., 1977. S. 299ff.
38. *Lippisches Intelligenzblatt*, 1789. S. 5–7, 11–16, 18–19.
39. *Schlumbohm J.* (Hrsg.) Kinderstuben... S. 234; cp.: *Stephan G.* Die häusliche... S. 7f.
40. *Melchers W.* Die bürgerliche Familie des 19. Jahrhunderts als Erziehungs- und Bildungsfaktor. Phil.Diss. Köln, 1928. S. 39f.; *Bacherler M.* Deutsche Familienerziehung... S. 215f.

-
41. *Schlumbohm J.* 'Traditionale' Kollektivität... S.277ff.
42. *Gotthilf Heinrich von Schubert.* Der Erwerb aus einem vergangenen und die Erwartungen von einem zukünftigen Leben. Eine Selbstbiographie. Bd. 1. Erlangen, 1854.
43. *Horkheimer M.* Autorität und Familie // Idem. Traditionelle und kritische Theorie. Frankfurt a.M., 1970. S. 162—230, особенно S. 212ff., 218ff.; *Habermas J.* Strukturwandel der Öffentlichkeit. 5. Aufl. Neuwied, 1971. S. 60ff.
44. *Schlumbohm J.* (Hrsg.) Kinderstuben... S. 342.
45. *Bock G., Duden B.* Arbeit aus Liebe — Liebe als Arbeit: Zur Entstehung der Hausarbeit im Kapitalismus // Frauen und Wissenschaft. Beiträge zur Berliner Sommeruniversität für Frauen, Juli 1976. B., 1977. S. 118—199; cp.: *Illich I.* Schattenarbeit // Idem. Vom Recht auf Gemeinheit. Reinbek, 1982. S. 75—93; *Hausen K.* Die Polarisierung der 'Geschlechtscharaktere' — Eine Spiegelung der Dissoziation von Erwerbs- und Familienleben // *Rosenbaum H.* (Hrsg.) Seminar Familie und Gesellschaftsstruktur. Frankfurt a.M., 1978. S. 161—191.
46. *Rosenbaum H.* Formen der Familie... S. 263ff., 285ff.
47. Cp.: *Petrat G.* Schulunterricht. Seine Sozialgeschichte in Deutschland 1750—1850. München, 1979; *Roessler W.* Die Entstehung.. S.306ff.; *Schlumbohm J.* Kinderstuben... S. 88ff., 104ff., 106ff., 188ff., 268ff., 321ff., 359ff. Многие мемуары содержат подробные описания школьных будней, например, воспоминания Паульсена, Кледена, Шумахера и Покельса и др.
48. *Kant I.* Über den Gemeinspruch: Das mag in der Theorie richtig sein, taugt aber nicht für die Praxis // Idem. Kleinere Schriften zur Geschichtsphilosophie, Ethik und Politik. Hrsg. v. K.Vorländer. Hamburg, 1959. S. 89.
49. *Goethe J.W.* Aus meinem Leben... 1.Buch. S. 31f.
50. В качестве введения в исследования по социализации см. : *Caesar B.* Autorität in der Familie. Reinbek, 1972; более подробный обзор: *Hurrelmann K., Ulich D.* (Hrsg.) Handbuch der Sozialisationsforschung. Weinheim, 1980.
51. *Richter H.-E.* Patient Familie. Reinbek, 1970.
52. *Illich I.* Entschulung der Gesellschaft. Reinbek, 1973; cp.: *Borchert M., Derichs-Kunstmann K.* (Hrsg.) Schulen, die ganz anders sind. Frankfurt a. M., 1979.

переводы
